

А.Э. ДУДКО

(Орловский институт искусств и культуры, Орел, Россия)

УДК 821.161.1-1(Тютчев Ф. И.)»18»

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,7

ТЮТЧЕВ – ПЕРЕВОДЧИК БАЙРОНА

Аннотация: В статье анализируется перевод стихотворения «Lines written in an album, at Malta» Дж. Байрона, выполненный Ф.И. Тютчевым в 1827 году. На фоне других переводов этого шедевра английского романтика перевод Тютчева отличается точностью и особенной выразительностью, предвзяя уникальный эксперимент М.Ю. Лермонтова. Несмотря на отрицательное отношение Тютчева к байронизму, все же можно говорить о том, что его перевод стихотворения «Lines written in an album, at Malta» является одним из лучших в русской литературе XIX века.

Ключевые слова: Байрон, Тютчев, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, ритм, система рифмования

Творчество Дж.Г. Байрона оказало огромное влияние на русскую литературу всего XIX века. Даже тот факт, что переводы некоторых его произведений на русский язык были сделаны еще при жизни автора или почти сразу же после кончины, говорит о многом.

Стихотворение Байрона «Lines written in an album, at Malta» появилось в журнале «Северная лира» за 1827 год в переводе Ф.И. Тютчева и было отнюдь не первым обращением к нему русских переводчиков. Открыл для отечественной публики это произведение И.И. Козлов: «так бывало не раз: обладая безупречным художественным вкусом, Козлов, первым обратившись к какому-либо поэтическому произведению или отрывку, привлекал к нему внимание других переводчиков» [Тихомирова 2008: 88]. Обладая определенной выразительностью, это стихотворение за считанные годы создало вокруг себя ореол особенного романтического флера, что неизменно привлекало русских поэтов, творчески переосмысливавших заложенный в нем «байронический эталон альбомного послания» [Шаповал 2002: 45]. Но возникающий в связи с этим эффект переводной множественности не снимает, а, пожалуй, даже усугубляет проблему тютчевского выбора: не будучи романтиком, находясь вдалеке от Родины и занимая довольно значительный пост, Федор

Иванович, до того переводивший исключительно немецкую поэзию, вдруг неожиданно заинтересовался Англией.

Как отмечает К. Пигарев: «Первое место среди переводов Тютчева занимают произведения Гете. Тютчев перевел десять его стихотворений и пять отрывков из первой части "Фауста". Второе место принадлежит Гейне. Тютчевым переведены семь его стихотворений и переложен стихами прозаический отрывок из "Путевых картин". На третьем месте стоят переводы из Шиллера (пять стихотворений). Один небольшой отрывок в тринадцать строк и одна песня переведены Тютчевым из комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь". Следующие авторы представлены в творческом наследии Тютчева-переводчика по одному произведению: Гораций, Байрон, Гердер, Цедлиц, Уланд, Ламартин, Расин, Гюго, Беранже, Манцони, Микеланджело». [Пигарев 1962: 258] Всего же русским поэтом-дипломатом в 20–30-е годы (до возвращения в Россию) было переведено больше 30 стихотворений разных европейских (в основном – немецких) поэтов. Но на долю великого английского романтика и бунтаря – Джорджа Гордона Байрона – выпадает всего один перевод, причем не из разряда тех стихотворений (как можно было бы подумать), что будоражили всю Европу, а из так называемой альбомной «легкой поэзии», которую А.С. Пушкин называл «мелочными игрушками остроумия» [Пушкин 1949: 272].

Этот факт представляет собой определенный парадокс, основания которого таятся либо в особом статусе обоих поэтов, словно бы разведенных по разные стороны политической и социальной системы, либо в особенной установке переводчика, сознательно игнорировавшего посмертную славу своего оппонента. Комментаторы тютчевской лирики благоразумно обходят молчанием этот вопрос или стараются нейтрализовать его довольно странными и бездоказательными заявлениями, типа: «В 20-х годах, после смерти Байрона, Тютчев воскрешает байронические темы. Тютчев снова трактует тему личности с первозданной остротой и смелостью». [Берковский 1985: 177] Даже в учебной литературе фигурирует формула: «По словам Ф. Тютчева, Байрон был "могучим, величавым, восторженным хулителем мирозданья"» [Дж. Байрон. «Паломничество Чайльд Гарольда»], – без указания на то, что эта характеристика взята из переведенного Тютчевым фрагмента поэмы Й.-Х. Цедлица «Totenkränze» («Венки мертвым»), вышедшей в 1828 году. В своем переводе, названном «Байрон» [Касаткина 2002: 335], Федор Иванович довольно точно передал характеристику вольнодумца, данную в поэме

австрийского коллеги, но при этом усилил антиномичность его образа [Зейферт 2012]:

...Ты был Орел – и со скалы родимой,
Где свил гнездо – и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,

Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но тропов лишь твое искало око!.. [Тютчев 2002: 77]

Нельзя не заметить определенного сходства этой характеристики с оценкой, которую дал Тютчев декабристам в стихотворении «14 декабря 1825 года»:

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить! [Тютчев 2002: 56]

Стихотворение это было написано, скорее всего, в том же, что и перевод из Байрона 1826 году и вызывает устойчивые ассоциации с образом «мятежного лорда», с которым было связано представление русской общественной мысли 20–30-х годов XIX века о свободе слова и романтическом пафосе борьбы с социальной несправедливостью [Гроссман 1924; Лашкевич 1991]. Отрицательное отношение к европейским разрушителям устоев, возможно, отразилось и на судьбе перевода из Цедлица, который был опубликован лишь в начале XX столетия. Тютчев прекрасно отдавал себе отчет в том, что Байрон для России – точка пересечения самых болевых проблем: «Вхождение Д.Г. Байрона в русскую культуру началось в 1810-е годы, когда в политической, социальной и духовной жизни общества важным стал вопрос о путях дальнейшего национального, исторического и культурного развития страны. <...> вокруг его творчества велись дискуссии, в результате чего выделились приемлемые и неприемлемые для русской романтической литературы черты, сформировался стиль русской национальной литературы. Задача литературы, прежде всего журналов, на страницах которых проводились дискуссии, заключалась в восприятии и теоретическом переосмыслении западноевропейской культуры, истории, политических взглядов, что позволило наметить два возможных пути развития России: 1) самостоятельный, основанный на патриархальных ценностях и историческом опыте

прошлых веков; 2) путь освоения политического и духовного опыта Западной Европы». [Люсова 2006: 152–153]

Уже позже, по возвращении в Россию, в своей статье «Россия и революция» (1849) Тютчев развил свое негативное отношение к проблеме европейского влияния: «Для уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества». [Тютчев 2003: 144] В статье «О цензуре в России» (1857) Федор Иванович, стараясь сгладить общественные противоречия, в то же время еще раз подтвердил свое отрицание таких европейских ценностей, как свобода слова: «Невозможно, чтобы правительство всерьез не озаботилось бы явлением, возникшим несколько лет назад и приобретающим такие масштабы, значение и последствия которых ныне никто не смог бы предвидеть. <...> я разумею учреждение русских изданий за границей вне всякого контроля нашего правительства. Факт этот, бесспорно, важен, очень важен и заслуживает самого пристального внимания. Бесполезно пытаться скрывать растущий успех сей литературной пропаганды. Нам известно, что сейчас Россия наводнена изданиями такого рода, их жадно ищут, они с необыкновенной легкостью переходят из рук в руки и уже проникли если и не в неграмотные народные массы, то, по крайней мере, в достаточно низкие слои общества». [Тютчев 2003: 210]

Приток в страну европейской литературы, не прошедшей хотя бы минимального критического отбора, Тютчев считал опасным. Не случайно, что, будучи членом Цензурного комитета, он запретил распространение в России «Манифеста Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Как отмечает Ю. Кублановский: «Тютчеву – и политически и литературно – пришлось жить, творить, действовать уже в совершенно новых условиях: радикальная нигилистическая идеология, наконец, и сам политический терроризм формировались у него на глазах. Но утопическая, философско-политическая "космогония" немецкой школы и многолетние впечатления от буржуазного развития Западной Европы, как оказывается на историческую поверку, причудливо деформировали его

политическое мышление и стали причиной его малообъяснимой на первый взгляд аберрации. Тютчев всеми своими обнаженными нервами ощущал неблагополучие русской жизни, дефекты ее развития, но, безмерно растревоженный поступью революции в мире, недооценил ее опасности для России, уверенный, что Европа к ней ближе...» [Кублановский 1993:185].

В начале XIX века в России, по свидетельству исследователей, Байрона с восторгом переводили все [Демурова 1979: 421], но особенно в этом отношении показательна история переводов на русский язык его посвящения «совершенно необыкновенной женщине» («a very extraordinary lady» [The Complete Works of Lord Byron 1837: 78]), вдове британского посла в Константинополе миссис Флоренс Спенсер Смит.

В первой публикации это стихотворение выглядело как разновидность стансов, написанных пронумерованными катренами 4-стопного ямба (abab):

LINES WRITTEN IN AN ALBUM, AT MALTA

1.

As o'er the cold sepulchral stone
Some name arrests the passer-by;
Thus, when thou view'st this page alone,
May mine attract thy pensive eye!

2.

And when by thee that name is read,
Perchance in some succeeding year,
Reflect on me as on the dead,
And think my Heart is buried here.

[Works of Lord Byron 1833: 308]

*[Как на холодном могильном камне
Некое имя прикует внимание прохожего;
Так, когда ты посмотришь на эту одинокую страницу,
Пусть мое <имя> привлечет твой задумчивый взор!]*

*И когда ты прочтешь это имя,
Случайно, в течение нескольких последующих лет,
Размышляй обо мне как об умершем,
И думай, что мое Сердце похоронено здесь].*

Все русские переводы этого шедевра, выполненные в 20-х годах XIX века, за исключением перевода А. Бистрома [Бистром 1825: 233], подчеркивают любовную коллизию, реализованную в чисто романтическом ключе. Тютчев же, напротив, актуализирует аспект дружеских отношений между лирическими инстанциями, для чего переводит единственное число во множественное («В альбом друзьям», «друзей моих», «напомнит им») и усиливает метафорическо-перифрастическую основу образа умершего поэта:

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его – нет боле в вашем круге;
Но сердце здесь погребено!..» [Тютчев 2002: 57]

Начертанье «руки знакомой», как бы несущее на себе печать личности, заменяет собой концепт имени (подписи), хотя и полностью не вытесняет его. Альбомная модальность [см.: Вацуро 1979] остается понятной в основном только в контексте названия стихотворения. При этом Тютчев развивает реалистический колорит описаний за счет расширения художественного пространства: вместо «холодного могильного камня» у него появляется целое кладбище «камней гробовых», топос, который замыкает собой круг кладбищенских описаний. И в этом отношении Федор Иванович оказывается ближе к оригиналу, чем, например, И.И. Козлов, с его амплификационным (увеличенным вдвое), составленным в два подступа переложением байроновского текста, или П.А. Вяземский, с его нарочито подчеркнутой любовной коллизией («Но все, что жизнью сердца было, / И сердце самое оставил при тебе» [Вяземский 1823: 29]).

Кроме того, немаловажно, что Тютчев сохраняет строфический объем, метро-ритмический рисунок и даже отчасти синтаксическую структуру оригинала: в первом катрене (как и у Лермонтова) им проводится членение по двустушиям на две части инверсированного

сравнительного оборота с союзной группой «Как... Так» (ср.: «As... Thus»). В противоположность эквилинеарности начала во второй строфе своего перевода Тютчев позволяет себе вольность: он перестраивает коду оригинала в прямую речь с символическим адресантом, расширяя при этом представление об адресате за счет устойчивого поэтизма – «круг друзей». Сложная метафизическая формула присутствия/отсутствия подчеркивается противопоставлением с союзом «но», нарушающим причинно-следственные связи, но выводящим, в противоположность всем предшествующим переводам, на практически дословное воспроизведение последней строки Байрона. Справедливости ради следует отметить, что в переводе М.Ю. Лермонтова концовка передана не менее выразительно и точно. Ср.:

И если после многих лет	Чрез много, много лет оно
Прочтешь ты, как мечтал поэт,	Напомнит им о прежнем друге:
И вспомнишь, как тебя любил он,	
То думай, что его уж нет,	«Его – нет боле в вашем круге;
Что сердце здесь похоронил он.	Но сердце здесь погребено!..»
[Лермонтов 1954: 78]	Тютчев

Как видно из сравнения этих фрагментов, намного ближе к оригиналу по букве в этой части оказывается лермонтовский перевод, но по духу – тютчевский. Лермонтов намеренно вводит дополнительную строчку, чтобы уточнить, акцентировать любовную коллизию (без нее получившееся четверостишие было бы, пожалуй, самым точным воспроизведением второй строфы байроновского послания). Возможно, это произошло под влиянием напечатанной на десять лет ранее тютчевской версии, в которой авторская мысль передана несколько смутно: противопоставление с союзом «но» вместо соединительного «и» («And»). Но сближает оба перевода изменение соотношения между временем рассказа и временем рассказывания. У Байрона на первом месте оказывается «Я» поэта [*Размышляй обо мне... мое Сердце похоронено здесь*]. У Лермонтова «Я» отсутствует (за счет использования существительного «поэт» и замещающего его местоимения «он») и присутствует одновременно (хотя бы самим фактом существования стихотворения). А вот у

Тютчева концовка лишена всякого мистического антуража и строится полностью на поэтике воспоминаний: упомянутое уже «начертанье руки» провоцирует воспоминания о «прежнем друге» и о том, что он остается в кругу друзей в символическом виде похороненного сердца. Таким образом, можно говорить о том, что у Байрона в тексте заложен прямой диалог лирических субъектов (ты, твой, тобою + обо мне, мое), у Лермонтова ролевой монолог [Ермоленко 1996] (лирическое «Я» присутствует опосредованно в системе побудительных глаголов «пусть привлечет», «думай», но при этом иллюкутивное побуждение свидетельствует о преобладании лирического «Он», сосредоточенного во второй строфе (см. «любил он... его нет... похоронил он») в функции «Я»). Наконец, у Тютчева лирический монолог почти полностью переведен в объективное описание (исключение составляет единственное притяжательное местоимение «моих»). Три варианта изображения прошедшего в будущем (авторский и переводческие) коррелируют между собой как романтическая, ультраромантическая и реалистическая модели.

ЛИТЕРАТУРА

The Complete Works of Lord Byron., with all the notes. – Paris, 1837. – 954 p.

Works of Lord Byron by Thomas Moor: In 17 v. – London: John Murray, 1833. V. 7. – 357 p.

Байрон Дж.Г. Сочинения в переводах русских поэтов: В 3 т. / Под ред. Н.В. Гербеля. – Изд. 3. – СПб.: О. Гербель, Тип. В. Безобразова и К°, 1883. Т. 1. – 409 с.

Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // Берковский Н.Я. О русской литературе. – Л., 1985. – С. 155–199.

Бистром А. Подражание Лорду Байрону // Московский телеграф. – 1825. – Ч. IV. – № 15. – С. 233.

Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750–1840-е гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. – Л., 1979. – С. 3–78.

Вяземский П.А. В альбом (Из Байрона) // Дамский журнал. – 1823. – № 1. – Ч. 1. – С. 29.

Гроссман Л.П. Русские байронисты // Байрон: Сб. статей. – М., 1924. – С. 61–76.

Демурова Н. О переводах Байрона в России // Байрон Дж.Г. Избранное. – 2 изд. – М.: Прогресс (Progress Publishers), 1979. – С. 399–426.

Дж. Байрон. «Паломничество Чайльд Гарольда». Разочарование и одиночество героя // testoch.com Разработки уроков. Презентации. Конспекты занятий URL: <http://www.testsoch.com/dzh-bajron-palomnichestvo-chajld-garolda-razocharovanie-i-odinochestvo-geroya/> (дата обращения: 3.10.2014)

Зейферт Е.И. Общность принципов создания жанра отрывка у Ф. Тютчева и Д. Веневитинова: европейские (немецкие) литературные источники, поэтика, проблематика // Кормановские чтения. – Ижевск, 2012. – Вып. 11. – С. 134–138.

Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы. – Екатеринбург: Изд-во АРГО, 1996. – 420 с.

Касаткина В.М. Комментарии // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. / РАН. Ин-т мировой лит. им. М. Горького; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.: Издат. центр "Классика", 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. – С. 269–512.

Кублановский Ю. Тютчев в «Литературном наследстве» // Новый мир. – 1993. – №6. – С.183–188.

Лашкевич А.В. Байрон и байронизм в литературном сознании России первой половины XIX в. // Великий романтик: Байрон и мировая литература: Сб. статей. – М.: Наука, 1991; – С. 160–176.

Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. Н.Ф. Бельчиков. – 386 с.

Люсова Ю.В. Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 214 с.

Пигарев К.В. Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.

Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. – С. 268–272.

Тихомирова Ю.А. Жанровые разновидности романтического перевода: на материале переводов И.И. Козлова из английских поэтов: дисс.... канд. филол. наук / Ю.А. Тихомирова. – Томск, 2008. – 221 с.

Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. / РАН. Ин-т мировой лит. им. М. Горького; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.: Издат. центр "Классика", 2002. Т.1. Стихотворения, 1813–1849. – 528 с.

Тютчев Ф.И. Россия и Революция / Пер. Б.Н. Тарасова // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. / РАН. Ин-т мировой лит. им. М. Горького; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.: Издат. центр "Классика", 2003. Т. 3. Публицистические произведения. – С. 144–157.

Шаповал В.В. Об одном байроническом мотиве у Пушкина // Дьячок М.Т., Шаповал В.В. *Opuscula glottologica professori Cyrillo Timofeiev ab discipulis dedicata.* – М.: Спутник, 2002. – С. 45–47.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Н.В. Барковской